

Сборник рассказов

Салат от шефа!

Надежда Терещенко

Сказки, детективы, юмор,
НЕправдивые истории из жизни

16+

Надежда Терещенко

**Салат от шефа.
Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Терещенко Н.

Салат от шефа. Сборник рассказов / Н. Терещенко — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-06079-1

Перед вами не сборник рассказов, а кусочек моей личности. Эта личность немного капризна, но верит в сказку. Любит покопаться в себе и посмеяться над результатами раскопок. Вечерком может рассказать страшную историю и испугаться вместе с вами. У неё есть множество историй на все случаи жизни. Хотите познакомиться?

ISBN 978-5-532-06079-1

© Терещенко Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Детектив под кофе	5
Жертвы	5
Кошмар	9
Бал для Мачехи	12
Неоконченный разговор	16
Осторожно, дети!	18
Жадность?	18
Мышка	20
Первое слово	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Надежда Терещенко

Салат от шефа. Сборник рассказов

Детектив под кофе

Жертвы

Я смотрю на тело. В холле на дорогом холодном кафеле лежит мужчина. Такое знакомое лицо превратилось в красную маску: оплывшие черты, лопнувшие капилляры и неестественно синие губы. Я судорожно сглатываю комок. По загривку проходит морозцем.

В холл спускается блондинка из тех, которые в сорок пять жадно цепляются за свои двадцать. Терпеть её не могу, впрочем, она меня тоже. Только взаимовыгодные отношения, ничего больше. Я не осуждаю, по крайней мере, в своей нелюбви она честна.

Блондинка скользит равнодушным взглядом по мне, по телу и уже собирается идти по своим блондинистым делам, но понимание, наконец, настигает её маленький мозг. Она делает к нам шаг, потом ещё и останавливается, как будто её выключили. Красивый рот её кривится, левый уголок губ плывет вниз. На миг, мне её даже жаль: увидеть труп своего мужа, от которого зависит вся её сытая жизнь, но потом она открывает рот. Крик, словно лезвие, бьёт по ушам. Я молюсь, чтобы у неё быстрее кончился воздух. Но лёгкие кабацкой певички, оказываются на удивление сильными.

Когда я уже был готов вlepить ей пощечину, в холл слетаются гости. Один из них, высокий подтянутый мужчина лет тридцати пяти встряхивает её и прижимает к плечу.

– Всем стоять, к телу не подходить!

Ну, надо же, неужели Марго в этот раз завела себе кого-то умнее гантели?

Девушка, более молодая копия жены жертвы, картинно падает на колени и красиво плачет. Я вспоминаю, как вчера она также плакала над сломанным каблуком брендовых туфель. Смерть любовника не сильно её огорчает. Она ещё молода и на поиск нового кошелька уйдет немного времени. Впрочем, уже нашла. Серёга, как истинный благородный олень, припадает рядом с ней на колени и что-то шепчет в её маленькое ушко. Мне становится неловко, хочется сбежать.

– Ну и что будем делать, – поинтересовался я, чтобы перестать чувствовать себя здесь лишним. – У нас тут труп, между прочим.

Первой приходит в себя Марго. Все ещё цепляясь за любовника, его имя как-то выскочило у меня из головы, она деловито интересуется:

– А он точно, того?

– Точно. И убийца среди нас.

Этот мужик хорош: уверен, статен, спокоен, как частный детектив из низкобюджетного американского фильма.

– Давайте вспомним вчерашний день. Кто с кем был и что делал, – сдуру ляпаю я, и тут же понимаю, что выпитый ящик коньяка полностью уничтожил мою память.

– Я всю ночь провела с Лешенькой, – визжит Марго, явно пытаюсь реанимировать недавнюю истерику.

У нее плохо получается. Меня ей не обмануть.

Пока я думаю, как можно такого самца называть Лешенькой, самец опять берет слово:

– С восьми и до одиннадцати мы пили вместе. Потом когда, он – кивок в сторону тела, – начал скандал, мы...

– Да что ты! Кто первый начал орать? Кто меня выгонял? – вскидывается Ляля.

– Да он вообще охренел. – почти натурально возмущается Марго, все-таки она лучше играет, чем Ляля. – Своих шмар сюда водит, трахает все, что даёт, а теперь решил поселить в МОЙ дом свою шлюшку!

Ляля запальчиво дергается в руках у Серёги, но он только крепче её обнимает, к удовольствию, как я вижу, их обоих.

– Да, Марго, мне ваши высокие отношения всегда были непонятны, – замечает он, поглаживая крутой бок Ляли.

– А что тут такого? – Марго зло стреляет глазами в парочку. – Просто два взрослых человека устали друг от друга. А развод невыгоден для нас обоих. Вот и решили: я ему не мешаю, он мне. Но чтобы прописать свою игрушку здесь?!

– А может засыпать так легче? – язвлю я.

– Продолжим, – пресекает скандал Алексей. – Мы с Марго ушли на улицу, проветриться. А через час поднялись в комнату и больше не спускались. А ты, Ляля?

– Я больше не могла оставаться в этом доме. Я предложила рыбусе поехать в клуб, но он отказался. Я обиделась и уехала сама. Вернулась в три часа, он ещё пил с Серёжей.

Я напрягаю память. Скандал. Марго пытается выставить Лялю за дверь, та упирается, цепляется за мебель. Мне весело, всегда хотел посмотреть драку красивых баб. Потом Алексею удаётся оторвать Марго от лялиных волос и вывести её на улицу. Дверь хлопнула. Ляля на коленях. Рыдает. Мы её утешаем, но потом выясняется, что проблема в туфлях. Каблук сломан и ей придется переобуваться в «беспонтовое говно», которое завалилось у неё в машине. Я ещё достаточно трезв, чтобы по-рыцарски сбегать за сменкой на улицу.

– Мы пили где-то до полчетвертого, – продолжает мои мысли Серёга. – Но он какой-то быстро сдулся. Что нам обычно ящик коньяка?

Вдруг его лицо перекашивается, он грубо отпихивает от себя Лялю и шумно блюёт чем-то зелёным.

Я с трудом подавляю рвотный позыв.

– А чё за коньяк-то был? – хрипит Серёга, злобно глядя на хозяйку дома. – Может тебе муженёк надоел, и ты решила его того?

– Это не я, – волнуется Марго и на всякий случай отступает от любовника на пару шагов. – Лешенька вчера целых два ящика французского привез, муж деньги дал.

Серёга медленно поднимается и интересуется:

– А где ты его брал?

– В магазине. В каком не помню.

– Слышь, ты меня сейчас не выводи. Хреново слишком, ещё зашибу...

– На рынке взял, у какого-то барыги!

– А почём?

– Двести пятьдесят за бутылку.

– Евро?

– Рублей!

В голову стрельнуло. Ни хера себе бизнесмен! Вот почему мне так плохо и провалы в памяти! Я не успеваю понять, как Серёга хватает этого хмыря, секунда и тот уже лежит на полу, потирая челюсть. Сергей довольно сплевывает на пол:

– Ах, ты ж гнида! Деньги взял за французский, а скормил нам барматуху. Блин, если бы не звонок жены, я бы продолжил пить и вот тут бы рядышком...

Закончить мысль он не успевает, его опять вывернуло. Ляля и я синхронно отскакиваем. Нам повезло, а вот телу не очень.

– Так не бухали бы! – встречает Марго, однако помочь любовнику подняться не спешит. Видимо Лешенька из «текущего» уже перешёл в «бывшие». – Нажираетесь, как свиньи! Зна-

ешь, как мне надоело таскать его на себе до машины, убирать его блевотину и менять штаны? Если бы кто-нибудь увидел, до какого состояния он напивается, давно поперли бы с должности!

Сергея отпускает и он, примирительно подняв руки, признается:

– Коньяк, конечно, хреновый, но не настолько чтобы вот так скрутить.

– А может обыскать его? – пищит Ляля.

Все смотрят на Серёгу, он мстительно тычет пальцем в Лешеньку:

– Давай ты, а то заблую тут всё.

– А полиция? – опомнилась Марго.

– Слышь, давай сначала разберемся без полиции, – предлагает Серёга, с удовольствием наблюдая, как морщится Лешенька.

– Но я знаю, нельзя трогать тело...

– Заткнись, – рычит Серега. – Скажем, что пытались оказать помощь.

Содержимое карманов ложится рядом с трупом. Бумажник, жвачка, диктофон и мобильник, из-под чехла которого, выкатывается ультрамариновая таблетка.

– Это чьё? – указывая на таблетку, цедит Леша.

– Я думала расшевелить его в клубе, – голос Ляли уходит в шепот.

– Ляля! Мужик у пятидесят два! Какой, на хрен, клуб!

Я все ещё в шоке, взгляд приклеен к таблетке. Откуда-то издалека, доносится ничего не понимающий голос Марго:

– А что это?

– Это, солнышко, – Лешенька не скупится на сарказм, вероятность того, что хозяин дома скопытился не от его коньяка, придаёт ему сил, – какая-то синтетическая наркота!

– Ты убила его, идиотка, – с явным облегчением выдыхает Марго. – У него же год назад инфаркт был.

– Я не знала-а-а...

Лицо Ляли не красиво морщится. Слезы, приправленные тушью, текут по щекам. Вот теперь даже я вижу, что они настоящие. Она бросается к трупу и целует его руки.

Серёга со всхлипом блюёт рядом.

– Вот теперь можно звонить в полицию, – предлагаю я, но меня как будто не слышат.

Лешенька открывает бумажник, проверяет карманы и достает из бокового отрезка листа.

– Какой-то номер, – говорит он, демонстрируя бумажку.

Наверно, только я успел заметить, как часть денег исчезла в его кармане.

Марго схватила листок. Она вертела его и так и эдак, разве что на зуб не попробовала.

– Да позвони уже, не мучайся, – предлагаю я.

Но она уже оглядывается в поиске телефона.

Сергей хватает мобилку почившего и тянет руку к бумажке:

– Дай я.

Набрав номер, он демонстративно ставит телефон на громкую связь. Пару секунд все с жадностью считают гудки.

– Здравствуйте, Вениамин Маркович. Все уже готово, осталось только подписать, – вещает приятный женский голос.

Серёга тупит, Марго нетерпеливо машет рукой мол, давай говори что-нибудь:

– Все, как договаривались? – креативит Серёга.

– Да. Завещание переписано в пользу фонда защиты прав сексуальных меньшинств.

Я с удовольствием наблюдаю, как вытягиваются лица присутствующих. Улыбаюсь. Ну надо же, как одновременно и с выдумкой можно послать всех нахлебников...

– Сможете сегодня подписать?

– Вряд ли, – Сергей даёт отбой.

Марго с Лялей одинаково взвизгивают:

– Вот сука!

Лешенька в попытке отвлечь их включает диктофон, незаметно вытаскивая оставшиеся деньги из бумажника.

Запись хрипит, но разобрать голоса возможно. Через минуту нам становится известна мошенническая схема вывода государственных средств через сеть оффшоров. От указанной суммы, даже у меня сводит челюсть.

Офигеть, Серёга встрял!

– Вот сука! – он слишком поражен, и с размаху бьёт труп ногой в лицо.

Голова дёргается, челюсть съезжает в бок. Меня передергивает.

– Хватит! – Лешенька с помощью женщин оттаскивает его от тела. – От чего он сдох: от бухла, наркоты или мотор не выдержал уже не важно. Главное для полиции, что мотив его грохнуть был у всех.

Его взгляд медленно скользит по нам, я согласно киваю. Иногда я сам испытывал такую ненависть, что руки тянулись к стволу.

– Что же делать? – всхлипывает Ляля. – Я в тюрьму не хочу-у-у.

– Вызываем полицию? – подаёт голос Марго.

– Какая полиция! – Серёга сплевывает на пол. – И так наследии. Вроде и сам помер, а фиг докажешь. Так все, делай как я!

Он наклоняется.

Вокруг темнеет. По спине проходит сквозняком, я оборачиваюсь и вижу яркий свет. Последнее, что я чувствую, как мое тело поднимают за ногу и куда-то тащат.

Кошмар

– Сти-и-ив!

В ушах ещё звенит собственный крик.

–Тсс, это всего лишь сон, – родные руки крепко обнимают. Тело бьёт озноб, сухие рыдания сводят спазмом грудь. Она задыхается. – Сейчас, – на мгновение тепло уходит, слышится журчание воды в ванной. Он вкладывает в ладони стакан и помогает сделать первый глоток. Потом она уже справляется сама. Знакомый кисловатый вкус успокоительного и спасительное забытьё.

Внизу хлопнула дверь. Джеки открыла глаза. Косые лучи солнца с трудом пробивали тяжёлые шторы. На тумбочке вместе с телефоном и таблетками лежала записка. "На работе, буду поздно, люблю и безмерно скучаю". На часах уже почти десять, значит это Рокси. Её сиделка и сестра Стива. Им сейчас не по карману нанимать кого-то и не хочется, чтобы её

видели в таком состоянии чужие люди. Да и она никого видеть не хочет. После нападения Джеки полгода не выходила на улицу. Что там, улица! Её мир сжался до размера комнаты.

– Дорогая, ты проснулась? – из коридора вкусно потянуло свежей выпечкой из почти забытой кофейни. Переживает. Наверно Стив ей рассказал о ночном приступе.

Дверь хлопнула. Джеки открыла глаза. Солнце остановилось прямо над их улицей, от открытого окна пахло раскалённым асфальтом. Часа два по полудню. Рокси пришла. Наверно ходила по делам, пока она спала. Джеки потянулась к телефону. Иконка соцсети мигнула тремя неп прочитанными сообщениями. Джеки открыла ленту. Вот Стив на работе. Скучает по ней. Потом на обеде, очень хочет домой, увидеть её. И снова в офисе, любит и переживает. Пару месяцев назад Стив наконец-то получил новую должность. Пока она приносила лишь ненормированный рабочий день. Но Джеки знала: он справится, ведь он так талантлив! Чувство стыда шевельнулось в груди. Стив столько работает, а дома она со своими кошмарами, сидит у него на шее, пачками ест таблетки и боится выходить из дома. Слеза скатилась с ресниц на футболку. Господи, ну почему она не может жить нормально? Она всхлипнула. Испугавшись, что Рокси услышит, вцепилась зубами в подушку и поливала её слезами, пока в бессилии не уснула.

Джеки разбудил хлопок двери. Рокси пришла или ушла? Да, какая разница.

Солнце уже спряталось за крыши домов. Наверно часов шесть или семь. Джеки взяла телефон. С заставки ей счастливо улыбались двое влюблённых. Теперь она так не умела. Чёрт, хватит уже!

Джеки открыла поисковик. Сонник. Итак, сны – это отражение происходящего наяву... пропускаем. Тревожные воспоминания из прошлого? Не то. Ага. Значение: препятствие в текущих делах. Бред. Джеки уже собралась уйти со страницы, но справа заметила иконку консультанта. Судя по всему? он был на сайте.

"Привет". "Чем я могу вам помочь?"

"А сможете?"

"Опишите свой сон".

Джеки подавила панику и желание сбежать. Это всего лишь слова. ...Люди, остановка, вечерний час пик. Сверкание фар на повороте. Визг тормозов и все превращается в месиво. Джеки одновременно и в машине, и там, среди стонущих, но ещё живых людей. А потом ощущение тяжести в руке и хищные отблески на металле. Семь чуть слышных хлопков и обжигающая боль в виске. Что это кошмар, вещий сон или предупреждение? А может первые шаги к психбольнице?

Точка.

Отправить.

Перед тем как нажать, палец на мгновение застыл. Трусиха!

Консультант печатает...

В коридоре послышались шаги. Джеки выключила телефон и закрыла глаза. – Дорогая, ты спишь? Джеки не ответила. Дверь тихонько приоткрылась.

– Спит, – подтвердила Рокси невидимому собеседнику. – Я немного подожду и поеду...

Джеки дождалась, когда шаги стихнут, и бросилась к телефону.

"Вы очень впечатлительны и много читаете бульварной прессы". Ссылка.

Разочарование тяжестью разлилось внутри. Лихорадочная энергия сменилась бессилием. И что она хотела от онлайн сонника? Она на автомате ткнула ссылку. Страница сменилась на сайт какой-то газеты. А там много текста и фото. Нарезка прямо из её кошмара.

...чёрный внедорожник застрял на обломках остановки. И подпись: неизвестный на угнанной машине сбил шестерых человек.

... шесть чёрных пакетов рядом на тротуаре и россыпь гильз. После наезда преступник устроил беспорядочную стрельбу.

... импровизированная стена памяти. Злоумышленник скрылся, идёт следствие.

Господи, она всё это уже видела, только с другой стороны... из салона машины! Но в её сне было семь выстрелов, а пострадавших шестеро. Может это просто кошмар? Джеки набрала такси и продиктовала адрес, указанный в статье. Нужно самой всё это увидеть. Может удастся вспомнить что-то ещё?

В кармане плаща, накинутом прямо на пижаму, денег хватило на дорогу туда. Чтобы добраться домой, пришлось отдать таксисту свои золотые гвоздики.

Джеки впервые за долгое время сидела в гостиной на первом этаже и рассматривала висящие на стенах фотографии. Там были осколки её прошлой жизни. Нормальной. А потом она убила шестерых человек. Перед глазами застыли чужие лица. За полгода место аварии сильно изменилось: рядом построили новую остановку, фото людей потускнели, свечи потухли, но цветы всё ещё были свежими. Наверно, их кто-то регулярно приносит. Джеки стояла там и силилась вспомнить события того дня. Тщетно. Она не знала, как оказалась в той машине. Что было до этого: попойка с друзьями или в одиночестве? Она не знала, почему поехала в людей и как потом скрылась с места преступления. Этого память не сохранила, оберегая её от подробностей. И не только память. Стив тоже её берег как умел: спрятал ото всех, дал забыть, лечил от депрессии. Нет. От чувства вины. Может, она просто их не заметила? Или не справилась с управлением? Или просто стало плохо? Джеки не могла поверить, что она сделала это нарочно. Чёрт! Там же был ещё пистолет. Значит, всё же убила.

Нужно идти в полицию. Она это заслужила: пожизненное, так пожизненное. Смертная казнь? Даже лучше! Джеки кинулась к шкафу в поисках документов. В полиции ведь нужно предъявить документы, так? Прав нигде не было. Наверно в кабинете. Джеки побежала туда и замерла в дверях. Кабинет Стива: его стол, его вещи и его запах. Бедный, он столько сделал, чтобы её спасти. Джеки медленно подошла к столу и открыла ящик. Сверху лежали какие-то бумаги, а под ними её права и ...пистолет. Тот самый? Боже, какая она эгоистка! Какая полиция? Какое признание? Стив и так пострадал из-за неё. Если узнают, что он скрыл преступление, его накажут. А у него талант, карьера, вся жизнь впереди. Нужно как-то по-другому. Но как?

Шесть фотографий на месте аварии.

Семь выстрелов из сна. Это выход.

Рука сама потянулась к оружию.

Хлопнула дверь. Хорошо, не придётся писать записку и всё объяснять. Стив заметил её не сразу. Растерянно улыбнулся, а потом увидел пистолет.

– Я. Вспомнила, – комната расплылась, Джеки сморгнула слёзы.

– Джеки, не надо... – в родных глазах мелькнул страх.

– Другого выхода нет. Ты же знаешь, – она улыбнулась, вернее попыталась, вышло не очень.

Стив рухнул на колени:

– Я по-другому не мог, – лицо его жалко сморщилось. – Меня ждала новая должность, ты же знаешь, родная. Я не мог оставить свидетелей...

Пол пошатнулся. Он что-то ещё говорил, но Джеки не слышала. В висках билась дикая боль. Ледяные пальцы скользнули по коже и наткнулись на длинный рубец. Джеки улыбнулась, она была права, выстрелов действительно было семь. Журналисты ошиблись, свидетель был. Вернее свидетельница. Она полгода спала, под действием успокоительных. Но теперь она проснулась...

Бал для Мачехи

– За мечтой нужно идти! Я так считаю...

Бармен кивнул, убрал пустой стакан, но наливать не спешил. Энергичным кивком я развеяла его сомнения:

– Повторить.

Он перегнулся ко мне через стойку:

– Я думаю вам достаточно. Может вас проводить?

Проводить? Как-нибудь в другой раз! Хотя, на мой взгляд, этот брюнет был слишком обычным, что ли. Меня, как истинную сороку, тянуло на блестящее.

– Достаточно? – рука изящно описала круг, меня качнуло вместе с высоким табуретом. – Не-ет!

Последние 26 лет у меня было достаточно всего: чужих ограничений, тошной работы и тупых сериалов. А мне не хватало красок и приключений. Видимо, поэтому и позволила себе влюбиться в картинку из телевизора.

На экране позади бармена мелькнула знакомая физиономия.

– Погромче, пожалуйста! – попросила я.

Индикатор звука пополз вверх. Я украдкой огляделась. Слава богу, зал в этот час ещё пустовал.

Корреспондент светской хроники захлёбывалась в экстазе.

–... на презентации новой концертной программы Капитона Прокопьева, премьеры которой пройдёт на круизном лайнере ВитаВенера, неизвестная напала на жену Прокопьева. Напоминаем, о тайном бракосочетании молодожёны сообщили перед презентацией.

Я смотрела на себя, застигнутой стоп-кадром в полёте, и с ужасом представляла, что же на всё это скажет мама.

– Достаточно, – поморщилась я.

Бармен посмотрел на меня с интересом.

– Если не секрет, за что это вы так?

Если бы я сама знала! Тем не менее я попыталась ответить:

– В 2005 – вышел альбом, помните, «Карамельное небо»? – Он зачем-то кивнул, хотя вред ли понял о чём я. Судя по его небрежному хвостику и туннелю в ухе, в юности наши вкусы кардинально не совпадали. – Мне было 15, я увидела его клип и влюбилась. Мечтала, что когда-нибудь встречу его. Понимаете, все события в моей жизни, так или иначе, были связаны с его песнями.

Я вспомнила свой первый поцелуй под «Малиновый вкус» и своё первое расставание под «Нам не по пути, детка» и чуть не разрыдалась.

Бармен протянул мне бокал с чем-то жёлтым. Пить больше не хотелось. Я слабо помотала головой.

– Апельсиновый сок, – пояснил он.

Я, благодарно кивнув, сделала глоток.

– А тут подруга сообщила, что он едет в круиз. И вот я здесь. Правда, билет только до следующей остановки, зато в первом классе.

– Поставили всё на один бал, дорогая Золушка? – хмыкнул бармен. Я наградила его злым взглядом, он напрягся. Я выдохнула и хихикнула.

– Золушка, блин! Пришла такая на пресс-конференцию перед балом, а там прЫнц заявляет, что жениться на мачехе. – Я ткнул пальцем в телевизор, где повторно крутили сюжет. – Золушка в ахере. А фею крёстную зовут «ИпотекИнвестБанк», и расплачиваться за чудо мне придётся ещё три года.

- Рисковая вы девушка, – обаятельно улыбнулся бармен.
- Ну, мы же не знаем, что Золушка торчала фее, за своё «долго и счастливо», правда?
- Тоже верно.

Он взял пульт и обернулся к телевизору. Другой канал, сюжет тот же. Высокий тридцатилетний блондин с худым длинным лицом трепетно держал под локоток весьма приземлённого вида даму в ужасном сиреновом платье с тяжёлым металлическим ошейником на шее. Невеста улыбалась и мило краснела, что в её пятьдесят четыре выглядело слегка комично. Тут в кадр влетаю я. Шум, гам, вспышки камер.

Бармен покачал головой и выключил ящик.

– Как-то нехорошо получилось, – согласилась я в ответ на его молчаливое осуждение. – Мачеха-то не виновата, что принц козел...

Да, стакан кидать не стоило. Ладно водой плеснуть, но вдогонку тарой припечатывать было лишним.

– Надо извиниться, – решила я, спускаясь с табурета.

– Э, девушка, может вам лучше отдохнуть, а уже завтра...

– Завтра для меня чудо закончится, первая остановка лайнера, – напомнила я и гордо направилась к вип-выходу.

Босые пятки приятно холодили плитки пола. Меня штормило, но это и не удивительно: я же на корабле. Говорят, качка на таких огромных лайнерах не чувствуется. Чушь! И не надо мне сейчас вспоминать про бутылку вина в одно дуло...

Я не знаю, как мне удалось пройти не замеченной в вип-зону, после того шума, что я здесь устроила. Но уже через пять минут я стояла в гостиной четырёхкомнатной каюты, которую занимал принц с мачехой. Проскользнуть внутрь получилось благодаря прислуге. Горничная выкатывала неудобную тележку, а я всего лишь вежливо придержала ей дверь.

Гостиная была оформлена в стиле мадам Помпадур. Позолоченные завитушки на кривоногих столиках, пузатые кресла и тяжёлые бархатные шторы. Вся моя наглость мигом испарилась, если бы не совесть давно сидела у себя в каюте и рыдала в подушку.

Тишина напрягала. Вот и что делать, не кричать же «Хозяйка-а-а»?

Я знала, мысли материальны, но не представляла что настолько. Индийские йоги вместе с буддийскими ламами позеленели бы от зависти, от такой скорости приёма-передачи мыслей на расстоянии.

Одна из дверей отъехала вбок и в проёме возникла она. Яркий халатик в китайском стиле странно смотрелся в паре с тяжёлым колье. Пока я бухала, набираясь смелости, чтобы извиниться, она спешно устраняла следы моей истерики.

– Опять ты? – устало поинтересовалась она.

Не знаю, чтобы сказала я, найдя в своей гостиной сумасшедшую напавшую на меня, но не это.

– Я пришла извиниться, – собственный голос резанул слух.

Она смерила меня оценивающим взглядом, словно я у неё проходила собеседование.

– Ладно, – наконец, кивнула она.

Я выдохнула. Всё-таки у неё бизнес на несколько миллионов долларов, а я ей стаканом в лоб засветила.

– Пока будешь извиняться, помоги снять.

Она повернулась ко мне спиной.

Стоило признать – эта женщина умела удивлять. Ладонки мигом вспотели, а пальцы неприятно затряслись. Хитрая застёжка всё никак не давалась.

– Вы простите меня, пожалуйста. Обычно я держу себя в руках...

– А тут ни себя, ни стакана не удержала, – хмыкнула она.

Мачеха всё больше мне нравилась. Нормальная тётка!

– Надеюсь, вы не пострадали? – я вспомнила неприятный чавкающий звук, когда стакан встретился с её скулой, и поправилась, – в смысле, несильно пострадали?

Она хмыкнула ещё раз и ещё, а потом повернулась ко мне лицом. Широко распахнутые глаза слезились, губы побелели и жадно хватали воздух, руки раздирали горло. А я в ужасе трезвела.

– Помогите! – пискнула я, а потом, прокашлявшись, заорала во весь голос. – Помогите! Человеку плохо!

Тут же в комнату влетел Капитоша и ещё кто-то, я не рассмотрела. Мой взгляд намертво сцепился с её, а потом я потеряла сознание.

В коридоре послышались шаги. Лязгнул замок и дверь открылась:

– На выход!

Я поднялась с перевёрнутого ведра, на котором всё это время сидела в тесной подсобке. Туфель не было они остались лежать под табуретом в баре, поэтому по коридору я шла босиком. Двое мужчин в форме проводили меня до какой-то каюты. Там, за столом сидели представительный усатый дядька в штатском и почему-то знакомый бармен.

Я уселась на стул напротив.

Дядька пристально меня разглядывал, а брюнет ободряюще улыбался. Первой сломалась я:

– Она умерла, да?

Усатый крикнул и пробормотал себе что-то под нос на английском. Бармен быстро перевёл:

– Алевтина Ермяшко жива. Вы застали всего лишь аллергическую реакцию. Мы приносим вам извинения за то, что удерживали вас. Нужно было выяснить все обстоятельства...

После «всего лишь» я его не слушала. Я чуть не сдохла от ужаса, глядя, как она корчилась на полу. Сразу захотелось к маме.

– Ладно, скоро моя остановка, – сказала я поднимаясь.

Вчерашних приключений мне на всю оставшуюся жизнь хватит, пора домой.

– Подождите.

Я не изящно плюхнула свой зад обратно на стул.

Усатый опять что-то прокашлял, с моими школьными знаниями английского, его речь воспринималась именно так. Брюнет покивал и быстро ответил. Настолько быстро, что я поняла только «под мою ответственность».

– Варвара Михайловна, вы свидетель преступления, поэтому вам придётся задержаться.

– Какого преступления? Вы же сказали...

– Вчера у мадам Ермяшко похитили платиновое кольцо стоимостью два миллиона долларов. Свадебный подарок жениха.

Я забыла, как дышать. Неужели на меня собираются повесить кражу этого ошейника. Бог Мой, два миллиона долларов!

– Как свидетель, вы можете помочь...

Его голос проник под завесу паники, но я на всякий случай уточнила:

– Свидетель?

– Да. Расскажите, что происходило в каюте.

– Я пришла извиниться, она согласилась выслушать и попросила помочь снять кольцо, – вспоминала я. – А потом она так странно задышала, – я попыталась изобразить как именно. Усатого демонстрация не впечатлила, а вот брюнета напротив, даже слишком. – Она начала задыхаться, повалилась на пол, я позвала на помощь...

– Колье ещё было на ней? – перебил меня усатый.

– Пока я была в сознании да, – уверенно кивнула я.

Мужчины перешли на английский, а я всё не могла поверить, как такой ужас может стоить, так дорого. У Капитоши отвратительный вкус и на украшения, и на баб.

– Почему такое страшное, – пробормотала я.

– Простите? – отвлёкся бармен, мне сразу стало неудобно.

– Колье какое-то страшное, – усатый нахмурился, я поспешила исправиться: – вернее страшно красивое. Историческая ценность?

Брюнет улыбнулся и, несмотря на недовольство усатого, пояснил:

– Это творение известного дизайнера. В колье зашифровано куча смыслов. Одна из находок – потайная застёжка под центральным камнем, когда открываешь он распадается на две идеально подходящих друг другу половины.

Я кивнула. Мужчины продолжили обсуждение. Я же думала над скрытыми смыслами, может Капитоша исходил из внешнего вида: страшной бабе – страшное колье?

– Спасибо, вы можете идти, – перебил мои мысли усатый.

– Я провожу, – вызвался брюнет.

Я была рада его компании. Уже в коридоре я задала давно мучавший меня вопрос:

– Вы не бармен, верно?

– Меня зовут Мартин, я страховой агент.

– Не поняла?

– Колье застраховано на очень большие деньги, а наша компания доверяет своим клиентам...

– Но проверяет, – кивнула я.

Мы помолчали. Перед глазами опять всплыл эпизод в гостиной.

– Если застёжка с секретом, зачем Алевтина попросила помочь? Она что не знала, как его снять? Проверяла, не воткну ли я ей нож в спину?

Мартин резко остановился и как-то странно посмотрел на меня:

– В спину?

– Ну да, – проблеяла я, сейчас он не казался мне панком переростком.

– Попался, – сказал он по-английски и достал телефон.

– Иди сюда, началось! – позвала я.

Мартин выглянул из ванны, одна щека его ещё была в пене.

– Давай, – я подвинулась на кровати, уступая ему место.

Он охотно плюхнулся рядом и обнял меня за талию.

По ящику заканчивался выпуск новостей. Диктор вежливо попрощалась и начался прогноз погоды. Камера замерла на ярком зонте, потом отдалилась, и в кадр попал молодой мужчина аристократичного вида. Хорошо поставленным голосом, он пропел первые строки из известной песни и обернулся к карте.

– Довольна? – спросил Мартин.

– Ага, но почему его не посадили?

– Подлинника на корабле не было, а от копии он избавился во время паники. На суше колье нам вернули. Компания к нему претензий не имеет. А госпожа Ермашко просто ограничилась разводом.

– Но аллергический приступ случился же не просто так?! – возмутилась я.

Мартин чмокнул меня в нос, я фыркнула.

– Нуу, она ему по-своему отомстила.

Действительно, Алевтина не стала швыряться стаканами, она просто лишила его концертов. Теперь в его репертуаре осталась всего лишь строчка из песни о погоде.

Неоконченный разговор

Тело уже окоченело. В ночи ярко белели руки жертвы, примотанные скотчем к её лицу. Стас не спешил подходить, впервые он боялся.

– Грёбанный урод! – выругался рядом с ним Михалыч.

– Убийца хочет нам что-то сказать и не успокоится, пока мы не поймём, что именно, – собственный хриплый голос резанул по ушам.

Непослушные пальцы нащупали в кармане телефон. Жена ответила сразу. Он был ей за это благодарен, иначе его сердце просто не выдержало бы.

– Петров, ты имеешь совесть?

– Лен, ты дома?

– А где мне ещё быть в одиннадцать ночи?

– Я на выезде, скоро буду. Ты никуда не уходи и никому не открывай, – жена фыркнула в трубку. – Нам нужно поговорить.

– Наконец-то ты это понял...

Стас услышал гудки. Его семейная жизнь последнее время напоминала незаконченный телефонный разговор. Он пропадает на работе, она ищет вдохновение.

С ней всё в порядке, а это главное. Стас достал перчатки и приступил к осмотру.

Стас взглянул на часы, полчаса назад наступило новое сегодня. Он с усилием протёр лицо, как будто пытаясь снять усталость последних дней. Пора домой, но его держали пять фотографий, лежащих на столе. Пять ничем не связанных жертв. Вот только у преступника были свои мысли на этот счёт.

Мужчина 45 лет, бездомный. В крови коктейль из алкоголя и клофелина, найден мёртвым на остановке. Стандартная ситуация для подобных персонажей, если не считать разрезанный от уха до уха рот.

Стас потянулся за следующей фотографией, но отвлёкся на звук сообщения:

«Я устала».

Стас зажмурился. Он знал, разговора не избежать, слишком сильно у них с Ленкой всё запуталось. Но это должен быть нетелефонный разговор.

На следующей фотографии была женщина 28 лет. Проститутка, перед смертью выпила вина со снотворным, найдена на одной из съёмных квартир. Ничего особенного выбранная профессия не располагает к долгой и счастливой жизни. Вот только ей зачем-то отрезали язык и уши.

Стас бросил взгляд на экран телефона. Жена настаивала, судя по всему, она настроена решительно:

«Когда ты услышишь меня?»

Он перевернул телефон экраном вниз. Бесплодная попытка убежать от реальности. Они обязательно поговорят, но не сейчас... позже.

Стас выложил следующее фото. Пропавшие части нашли уже через неделю в кармане следующей жертвы. Представительница другой древнейшей профессии, на этот раз журналистка. Что тридцатипятилетняя женщина забыла на крыше здания редакции до сих пор не известно. Коллеги говорят, что писала она для криминальной колонки. Может ей стало что-то известно, поэтому преступник и избавился от неё?

Телефон предупредил о принятом новом сообщении. Лена была на грани:

«Видит Бог, я пыталась!»

Стас понимал, как ей трудно жить с ним. Когда они познакомились, она только что закончила журнал. Много писала, хотела быть услышанной. Она мечтала о работе на телевиде-

нии или в известном издании. Но быть замужем за полицейским и работать в СМИ слишком сложно. Лена не сдалась. Она начала писать книги. Говорят, очень интересные. Не зря же её последний роман был переиздан большим тиражом. Вот только ему всё никак не получалось почитать её. Слишком много чернухи на работе, чтобы в свободное время развлекать себя детективами, пусть и написанными собственной женой. Да и где это свободное время?

Рядом с журналисткой легло новое фото. Мужчина 24 лет, курьер интернет-магазина, не дошёл до офиса выдачи товара всего пару кварталов. Лицо скрыто лыжной шапочкой, а под ней... Смартфон вываливался из разрезанного рта жертвы, поэтому убийце пришлось использовать скотч. Последний заказ парень доставил по адресу их полицейского участка. Михалыч считал, что преступник просто над ними издевается, почувствовал себя безнаказанным. Стас думал по-другому. Все эти смертельные инсталляции имели какой-то скрытый смысл.

До сегодняшнего дня Стас искал тайное послание для полицейских. Теперь же он был уверен, что преступник ведёт диалог только с ним.

Жена опять напомнила о себе.

«Ты не говоришь со мной, мы не видимся с тобой сутками. Зачем я тебе? Отпусти!»

Отпустить? Стас грохнул кулаком по столу, фотографии рассыпались. Почему она не хочет понять – он её любит. Как умеет. Если Лена уйдёт, он просто не сможет жить. Стас готов был ей простить всё: ложь, истерики, даже измену. Главное, лишь бы она была в его жизни. Там на месте преступления ему на миг показалось, что перед ним Лена.

Стас достал последнюю фотографию. Молодая женщина, прячущая лицо за ладонями. Брюнетка в тёмно-красном платье. Кажется, в похолодевшую была его жена на премьерной своей новой книги. Всё время пока эксперты снимали скотч, Стас не дышал. Он видел её платье, её волосы и очень боялся увидеть под скотчем её лицо.

А может он ошибается? Пытается переложить свои семейные проблемы на работу? Стас открыл приложение соцсети. Сюда он заглядывал редко, только по делу. Поиск по фамилии ничего не дал. Он уже отчаялся, когда решил поискать в подписках. Надо же: он и Лена оказываются друзьями. Она была зарегистрирована под псевдонимом. Ожидаемо. Звучание фамилии Стаса ей никогда не нравилось, слишком просто для писательницы.

Лента пестрела фотками. Стас нашёл последний пост, он был посвящён презентации новой книги. На миг сердце дало сбой. Жена была в тёмно-красном платье. Она счастливо улыбалась, демонстрируя фотографу обложку новой книги.

– Беззвучный крик, – прочёл Стас.

Он быстро пролистал ленту вниз.

«Чужие тайны». Фото журналистки на крыше редакции.

«Нетелефонный разговор». Яркая заставка на смартфоне, под лыжной шапочкой.

«Немая любовь». Мёртвая проститутка.

«Улыбка судьбы». Бомж, под клофелиновым дурманом.

Входящий вырвал его из сети.

– Алло, – голос его не слушался.

– Я ухожу.

В трубке слышалось эхо и журчание воды.

Словно наяву он увидел их ванную комнату, с дорогим ремонтом в чёрно-белых тонах, слегка оплывшие свечи и белое тело в красной воде.

Стас опустил руку в карман, вместо сигарет пальцы нащупали металл.

– Подожди, – он достал пистолет и приставил его к виску.

– Я с тобой, – сказал Стас и нажал на курок.

Осторожно, дети!

Жадность?

Никогда не думала, что воспитывать детей так сложно. Я сейчас не о «прокормить и дать достойное образование», а о добром и светлом...

Пока ходила беременной, думала вот рожу и станет легче. Боже, как я ошибалась! Понимание всей глубины моего заблуждения пришла не сразу, а спустя три месяца после рождения ребёнка. Как раз тогда, когда забавный свёрточек, сопящий в кроватке, начал выдавать осознанные реакции на окружающий мир. Вот тогда я задумалась о воспитании. Как же донести до нового человечка что такое хорошо, а что такое плохо?

Сначала я была уверена, что у меня получается. Моей дочери три, она любознательная и общительная девочка. Тьфу-тьфу-тьфу, в сторону. Сегодня она пришла из садика непривычно спокойной и задумчивой. Я с замиранием сердца поинтересовалась, что случилось. Пока доча держала паузу, у меня перед глазами проносились кадры из «дежурной части», там как раз недавно было что-то насчёт жестокости воспитателей. В тот момент, когда я накрутила себя достаточно, чтобы со сковородкой бежать в садик и начать убивать. Моё солнышко, наконец, выдало:

– Мама, а почему быть жадной это плохо?

Сначала я расслабленно выдохнула, фигня-вопрос, сейчас просведу! Ребёнку был дан стандартный ответ о том, что делиться нужно и т.д. Но вот потом... Потом я всю ночь думала. А действительно, почему быть жадным нехорошо? И для кого именно нехорошо: для того кто жадничает или кто просит? Перебрала в уме кучу сказок. Вывод: жадина всегда заканчивает плохо, а главный герой, разбазарив добро, наоборот, живёт долго и счастливо. Но то сказка, а в реальной жизни? Решила, как взрослый человек, рассмотреть проблему на собственном примере.

Вот, у меня есть телефон. Я слежу за балансом, вовремя пополняя счёт. А вот, мой сослуживец, который всегда забывает зарядить свой аппарат. Но при этом, все нужные ему номера помнит!

– Дай позвонить. Телефон сел, а жена за детьми поехала, – и многозначительно так бровками: типа сама знаешь баба за рулём и всё такое.

И я, конечно, даю. И не только я, но и весь наш отдел. Отказать как-то неудобно, ну что он там наговорит, копейки! Но вот как вижу его радостно-предвкушающую физиономию, когда он тянет ручонки, сразу же хочется стегануть по ним линейкой. Вывод: я не жадина. Попросят – делюсь, но вот счастья по этому поводу не испытываю.

Нет, это пример неудачный. Просто этот сослуживец не вызывает у меня положительных эмоций, вот и цепляюсь. Нужно вспомнить, что-нибудь другое. Старательно морщу лобик и... вуаля!

Когда я училась в универе, мне подарили ручку на день рождения. Очень красивую и удобную. Мне она так нравилась, что я не расставалась с ней несколько курсов, заботливо меняя стержни. И вот как-то, я решила на эксперимент в своей личной жизни, съехавшись с парнем. И вроде бы он меня во всём устраивал, и чувства какие-то были, но всё изменилось, когда я застучала его с ней. Он сидел за столом и что-то писал. Моей, блин, ручкой! Наверно, у меня что-то случилось с лицом, поскольку он поспешил спросить разрешения:

– Я возьму твою ручку?

«А ну, убрал от неё руки!», хотелось проорать мне, добавив книгой веса словам. Но я сдержалась. В самом деле, это же просто ручка...

– Конечно, – скрипнула зубами я.

После того случая я стала замечать за парнем кучу неприятных привычек. А через месяц, наш эксперимент закончился...

Вывод тот же. Может, я просто жадная? Нет-нет, не может быть! Просто вещь мне очень нравилась, да и знала я её дольше, чем того парня. Этот пример тоже не подходит. Нужно просто вспомнить ещё что-нибудь.

Переворачиваюсь на другой бок. Случайно бужу мужа, успокаиваю его и понимаю, что хочу в туалет. Муж спит, я чапаю в сан.узел. Интересно сколько времени. Беру телефон – полвторого. Яркий свет экрана будет дочку, убаюкиваю её и ложусь в кровать. Ворочаюсь. Ну не может быть, чтобы не было хоть одного случая, когда я не жадничала и испытывала удовольствие от этого! Вот хотя бы взять детство, ведь я была хорошей девочкой, по крайней мере, так говорила моя мама...

Моё детство пришлось на девяностые. Родители пахали на нескольких работах за копейки, чтобы прокормить меня и сестру, но при этом они умели быть счастливыми. Например, на праздники весь подъезд собирался у нас. Конечно, накрыть достойный стол было очень затратно для одной семьи. Поэтому соседки заранее договаривались, кто что готовит. Чудесное было время! И вот однажды, на Новый год, мама купила к чаю шоколадные конфеты.

Шоколадные!!!

Как бы это объяснить... Шоколад был для нас доступен только в одноимённом масле и по праздникам. Мы с сестрой вились возле них, как голодные акулы вокруг одинокого сёрфингиста. Мама, предусмотрительно не стала прятать лакомство, но строго приказала не трогать до праздника. В результате мы присматривали и за конфетами и друг за другом. С каждым днём мне было всё тяжелее держать себя в руках. Пока однажды я не сделала ЭТО.

И вот наступил тот самый день. Пришли гости, мама подала чай с конфетами, зашуршали обёртки и...

– Ой, а у вас мышка завелась.

Мышка сидела и довольно улыбалась, план удался. Гости, за редким исключением отказывались от надкушенных конфет, заботливо заворачивая их обратно. В тот момент я не думала, как сильно мне достанется от родителей. Я была счастлива, ведь вторые половинки в итоге достанутся мне же!

Получается, что когда я с кем-нибудь делюсь, мне плохо. А когда жадничая, испытываю удовольствие. Это вообще нормально? Чему я могу научить ребёнка? А-а-а, я плохая мать!

Но ведь для семьи, родителей и друзей мне ничего не жалко. Я счастлива, когда путём долгих наблюдений удаётся угадать с подарком родному человеку. Видеть радость в глазах, когда исполняешь чужое желание ни с чем не сравнимое удовольствие!

Вывод: нужно уметь дарить радость родным тебе людям. В голове послышался голосок любимой доченьки:

– Мама, так почему же быть жадной это плохо?

А действительно почему? Я осознала простую вещь: жадной быть хорошо, пока это чувство не мешает жить. За мои тридцать три, этого так и не случилось, а как это объяснить ребёнку, я подумаю позже. Удовлетворённо вздохнув, я провалилась в сон.

Мышка

Не так давно озаботилась поиском работы. Не то чтобы денег не хватает, но... Мне тридцать три года, у меня дом, муж и двое детей замечательного возраста. Дочке три – период вечных «почему». Сыну полгода – в кровати нам лежать уже скучно, а ходить ещё не можем. Поэтому мама возьми меня на ручки! Куда тут ещё и работа, спросите вы? Всё просто я хочу отдохнуть! Пока у меня только один способ сменить скорость – уехать к маме.

У мамы небольшая двухкомнатная квартирка в хрущёвке. Особенностью этой планировки является мизерная кухня. Может быть, когда-то это и было оправдано, но прогресс не стоит на месте и всё многообразие кухонной техники она вместить уже не может. Хотя, о чём это я, какое многообразие? Печка. Мойка. Стол и пара стульев. Холодильник не влез, поэтому переехал в коридор.

Мама живёт на первом этаже, рядом с магазином. С одной стороны, это удобно, за продуктами далеко ходить не нужно. Но с другой... Ни один продуктовый магазин не имеет полностью чистой совести перед санэпидемстанцией, вот и в нашем живут неожиданные квартиранты – мыши.

Однажды одна из них решила сменить прописку на мамины скромные квадратные метры. То ли ленивая мышь попала, то ли привыкшая к комфорту – норку зверушка оборудовала за холодильником, чтоб недалеко ходить. Моя родительница решила избавиться от наглой квартирантки радикальным способом. Затарившись в том же магазине отравой, она щедрой рукой напихала её вокруг холодильника. По принципу не сожрёт, так задохнётся. Надо сказать мама очень спешила, поскольку я объявила о своём скором приезде.

По задумке производителей Отравляющих Веществ жертва, объевшись, должна выползти на свет белый в поисках воды и только потом отойти в мир иной. Но наша мышка, как мы помним, была слишком ленива, чтобы бороться за свою жизнь. А может решила просто отомстить отравительнице. Короче, эта тварь сдохла в норе.

Спустя день я вместе с двумя детьми, мужественно одолев почти двести километров по тридцатиградусной жаре, прибыла в отчий дом. Тонкостей разыгравшейся драмы я не знала, да и мама до поры до времени надеялась всё сохранить в тайне. Но у мыши были другие планы. На второй день маме стало сложно делать вид, что ничего не случилось, и «воняет, скорее всего, в подъезде».

Надо сказать, отправляясь в путь, я втайне хотела похудеть, но особо на это не надеялась. Во-первых, кормление грудью к этому не располагает. А, во-вторых, ну кто худеет у мамы в гостях? И вот, как обычно, я встала ночью пожрать. Совесть заворочалась, просыпаясь, но урчание желудка было громче. Пробравшись к холодильнику, я имела неосторожность глубоко вдохнуть, так сказать, в предвкушении. Есть расхотелось вмиг! Недавно почившая мышь действовала намного эффективнее маминого магнитика «На ночь не жрать!».

Мышка отравляла нам жизнь в течение двух недель (не представляю, какого размера был этот зверь!). Первое время мы ужасно страдали от голода. Как следствие, настроение ужасное, а тут, как назло, моя дочь очень заинтересовалась источником запаха. В свои три года она имела достаточный словарный запас, чтобы достать своими вопросами кого угодно. Видит Бог, я старалась корректно отвечать на все её «почему», но однажды я не выдержала:

- Мам, а что воняет?
- Я уже говорила, мышка.
- А где мышка?
- В норке.
- А что она там делает?
- Воняет.

– А она спит?

– Нет.

– А лапками дрыгает?

– Нет.

– Она играет?

– Нет.

– А что она делает?

– Ничего.

– А почему?

– Да потому что сдохла, теперь лежит, тварь, и воняет, – прошипела я, стараясь чтобы дочь не услышала.

Но у неё оказался очень хороший слух, мгновенная память и обширные связи. Дочка умудрилась запомнить два слова, комбинацию которых я с удивлением услышала на площадке. Кроме того, моя малышка очень честная девочка. Она не стала скрывать перед поражёнными родителями других детей, от кого именно услышала эти слова. С тех пор, проходя мимо площадки, я вздрагиваю, слыша «сдохла» и «тварь» в одном предложении. А в глазах местного взрослого населения мне до сих пор видится осуждение...

Дорогие родители, наши дети лучше нас и честнее! Имейте это в виду, прежде чем в сердцах крикнуть непечатное, иногда можно обойтись привычным «Ой!».

Первое слово

Первое слово ребёнка волнительный момент для любого родителя. Когда среди неясного гуления, вдруг чётко слышишь – мама или папа, сердце заходится в груди. Моя дочь рано начала издавать осознанные звуки: собачка – ав-ав, машина – бр-бр. А слова пока не получались. Всё семейство с близкими и не очень родственниками замерло в ожидании – кого же она позовёт первым – маму или папу? Команда поддержки мужа больше, поэтому и старались они усерднее. Мне, на самом деле, было всё равно: позовёт меня – прекрасно, мужа – ещё лучше! Я ведь и так с ребёнком провожу больше времени чем он. Первая улыбка досталась мне, первый поцелуй тоже, так что пусть первым словом будет ПАПА. Сказано – сделано! Когда любимого не было дома я брала дочку на руки и шла на кухню. Там, у холодильника, увешанного фотографиями, я с усердием тыкала в его изображение и повторяла:

– Папа, солнышко. Это, папа!

Солнышко гулила и улыбалась, но повторять за мной отказывалась. Меня это расстраивало, но сдаваться я не собиралась.

В субботу у меня SPA день. Муж остаётся за главного, а я удаляюсь на косметологические процедуры. Недалёко. В ванную... У меня есть почти целый час, который я могу потратить только на себя! Прекрасно!

В эту субботу я так спешила сбежать, что забыла набор для маникюра в спальне. Звать мужа не стала, ведь стоит мне подать голос и всё! – ребёнок под дверью, слёзы стучат по полу, совесть рвёт сердце. Конец отдыху...

Намотав на себя полотенце, я тихонько выглянула за дверь. В коридоре чисто! Оставляя на ламинате мокрые следы, я прокралась к спальне. Тишина. Быстро нашла нужную коробочку и выскочила обратно. Странно. Вокруг было слишком тихо, любопытство, замешенное на тревоге, погнало меня посмотреть, что же происходит. Почему я не слышу пищание игрушек, гуление дочки или хотя бы мультиков?

В кухне шептались, я перестала дышать. Выглянув из-за угла, увидела, как муж возле холодильника тихонько втолковывает дочери:

– Принцесса, это мама. Ма-ма!

Аккуратно сдала назад. Задумалась. С одной стороны, приятно. Да, что там, чертовски приятно! Такая трогательная забота. Но с другой стороны, мне нужен был новый план...

У нас дома куча игрушек. Нет, не так. У нас дома столько игрушек, что многие я даже не помню. Толпа родственников усердно пополняет их количество. Причём даже когда мы отнекиваемся в ответ на вопрос «Что подарить?», они норовят сунуть что-нибудь «незаметно». В одной из коробок нашла пальчиковые игрушки. Такие мелкие фигурки животных, которые одеваются на пальцы. С удивлением обнаружила, что их двенадцать: то ли китайцы обсчитались, то ли у меня что-то не так с руками... Дочь заметила новинку и с интересом потянулась ко мне. Начали играть. Надеваю на палец собаку.

– Солнышко, это собачка!

– Ав-ав! – радостно щебечет доча.

– Молодец!

Пропускаю слона и бегемота, беру лягушку:

– А, это лягушка!

– Ква-ква!

– Умничка!

Пытаюсь пропустить медведя, но доча замечает и требовательно тычет пальчиком. Надеваю:

– Это медведь!

Солнышко молчит и вопросительно хлопает голубыми глазками. Вздыхаю.

– Ы-ы. Говорит медведь. Ы-ы!

Доча радостно повторяет.

В конце списка оказывается что-то серое с большим носом и ушами. Сначала я решила, что это слон. Но он вроде бы уже был? Вот откуда лишние животные! Китайцы просто подстраховались на случай потери. Но нет. Первый «слон» розовый, а этот серый. Серый, уши, нос – ах, это же мышка. Улыбаюсь.

– Мышка. Пи-пи, говорит мышка.

– Па-па! – старается доча.

– Нет, маленькая. Пи-пи, говорит мышка.

– Па-па!

И тут меня осенило! Пока мы играли, мой мозг, слегка припорошённый декретной пылью, скрипя извилинами, разрабатывал план «Б».

Вечером пришёл муж, доча повисла у него на шее. Я его обняла и на ухо прошептала:

– А у нас для тебя сюрприз!

– Какой?

– Солнышко, кто это? – одной рукой показываю на мужа, пальцами другой поглаживаю его по плечу.

Дочь, умничка, делает всё, как и задумано:

– Па-па!

Счастью не было предела! Но громче всех радовались родственники. Доча по телефону, и по скайпу, и на камеру повторяла – Па-па! Па-па! Видела эмоции на лице взрослых и сама заливисто смеялась. Вечер удался!

Я уложила дочку спать и нырнула под одеяло к мужу. Он меня крепко обнял и шёпотом признался:

– Это был самый счастливый день в моей жизни...

Я улыбнулась и поцеловала его, незаметно пряча мышку под подушку. Вряд ли она ещё понадобится, последний десяток звонков наша малышка справлялась и без демонстрации игрушки. Но как говорится, бережённому....

Чуть позже мне пришлось признаться в своей хитрости: доча до двух лет папу и мышку называла одинаково. Но муж не обиделся. Наоборот, он сказал, что я самая лучшая на свете жена и мать.

Мой сын оказался разговорчивее, чем доча. В год он сказал своё первое слово – «Отдай!». Думаю, насчёт «самой лучшей» матери супруг всё-таки поторопился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.